

ЮЖНЫЙ КРАЙ

ХАРЬКОВЪ, ПЯТНИЦА 4 (16) ИЮНЯ 1882 ГОДА.

ГОДЪ II.

№ 492.

Отдельные №№ „Южного Края“ продаются по 6 к.

, ЮЖНЫЙ КРАЙ“
1882 года.

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Редакция газеты помещается въ Харьковѣ, въ Петровскомъ переулкѣ, № 1-й, для личныхъ обласній по дѣламъ газеты открыта ежедневно, кроме воскресеній и праздничныхъ дней, отъ 2-хъ до 3-хъ часовъ дня.—Статьи, доставляемыя въ редакцію, должны быть напечатаны за подписью и съ адресомъ автора. Статьи, доставляемыя безъ обозначенія условій, признаются безплатными. Статьи, признанные удачными для печати, подскажутъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Малыя статьи, замѣтки и корреспонденціи, неудобныя для печати, уничтожаются.

Главный контора редакціи въ Харьковѣ, на Московской ул., въ д. Харьковского Университета, № 7-й, при „Публичной Библиотекѣ“ А. А. Іофефовича, принимаетъ подписку и объявляетъ: открыта въ будни отъ 8 час. утра до 7 час. вечера, а въ воскресеніе и праздничные дни отъ 11 до 4 час. дна.

Кромѣ того, ПОДПИСКА И ОБЪЯВЛЕНИЯ ПРИНИМАЮТСЯ: въ Петербургѣ въ Центральной конторѣ объявлений для всѣхъ европейскихъ языковъ, на Невскомъ проспектѣ, въ дому Струинскаго и въ книжномъ магазинѣ Энгельса Гартга, на Невскомъ проспектѣ, № 27; въ Москвѣ—въ Центральной конторѣ объявлений для всѣхъ европейскихъ языковъ, на Петровской улицѣ, въ дому Соловьевскаго, въ конторѣ подицкихъ и объявлений Н. Покровской; въ Варшавѣ—въ варшавскомъ агентствѣ объявлений Роймана и Франклера, на Сенаторской улицѣ, № 22; въ Кильѣ—въ книжномъ магазинѣ Е. Я. Федорова; въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ В. И. Былаго и Е. П. Расинова; въ Париже—въ книжномъ магазинѣ Г. И. Байо-Родзевича и въ Кременчугѣ—у нотаріуса И. Ф. Зильберберга. Изъ Франціи объявленія принимаются исключительно въ Париже—у Ната, Lafite et C°, Place de la Bourse.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	Безъ дост.	Съ дост.	Съ перес.	Безъ дост.	Съ дост.	Съ перес.
	р. к.	р. к.				
На годъ .	10	50	12	12	50	7
“ 11 мѣс. .	10	11	15	10	5	6
“ 10	9	9	10	11	4	5
“ 9	8	8	10	10	3	4
“ 8	7	7	9	9	2	2
“ 7	7	8	8	8	1	1
Допускается разсрочка платежа за годовую экземплярь, по соглашению съ редакціей.						
Подписка принимается только съ 1-го числа каждого мѣсяца.						

Допускается разсрочка платежа за годовую экземплярь, по соглашению съ редакціей.

Подписка принимается только съ 1-го числа каждого мѣсяца.

ТОРГОВАГО ДОМА

БРАТЬЯ К. И С. ПОПОВЫ
ВЪ МОСКВѢ.

Господь потребителей нашего дома покорнейше просимъ обращать внимание на напечатанное присутствіе на ярлыкахъ бутикѣ К. и С., значащихъ въ нашей фірмѣ.

Отовсій складъ нашъ въ г. Харьковѣ, на Петровской улицѣ, въ собственномъ домѣ.

(№ 4172) 3—1

СОДЕРЖАНИЕ:

Харьковъ, 3 июня 1882 года.
Обозрѣніе газетъ и журналовъ.

Всероссийская промышленно-художественная выставка въ Москве.

Дѣйствіе правительства.

Мѣстная хроника: Иль городской жизни.—Письма въ редакцію.

Телеграммы (отъ Международн. телеграфн. агентства) изъ другихъ газетъ.

Послѣднія извѣстія.

Внутреннія извѣстія: Корресп. „Южн. Края“ изъ Лебединъ, Хорола, Миороды и Ростовы-на-Дону.—Извѣстія другихъ газетъ: изъ Киевъ, Одессы и Сѣверскаго уѣзда.

Политическое обзорѣніе.

Судебная хроника: Уголовное отдѣлъ, симферопольскаго окружнаго суда въ г. Мелитополѣ. Сѣве.

Биржевая хроника и торговый отдѣлъ.

Календарь.

Справочникъ извѣстія.

Фельетонъ: „Intransigeant“, Гр. Шрейдера.

Объявленія.

ХАРЬКОВЪ,

3-го июня 1882 г.

Съ легкой руки московской газеты „Русь“, въ нашей периодической печати опять начались безконечные толки о земскихъ соборахъ, которые, по учению апостоловъ, славянофилы соединяютъ „существенное“ явление народной жизни. „Самобытники“ очарованы былинами совѣщаніемъ царей со „всакихъ чиновъ людьми“ и не хотятъ

сознаться, что совѣщанія эти были не рѣдко мнимы, что учрежденіе, о которомъ покойный К. Аксаковъ говорилъ съ такимъ восторгомъ, отжало свой вѣкъ, скончалось естественной смертью....

Славянофили, говоря о земскихъ соборахъ, какъ замѣтилъ еще покойный Соловьевъ, смотрятъ на вопросъ съ анти-исторической точки зреянія, игнорируютъ факты, пускаются въ области гаданий и предположений и, не вида осуществленія своихъ идеаловъ,—иногда, къ слову сказать, отзывающихся Аракадіемъ,—въ настоѧщемъ, яркомъ и ласкающими глазъ красками размалевываютъ прошедшее и поклоняются кумиру руки своихъ, вообразивъ его чѣмъ-то реальнымъ, не выдуманнымъ. Къ числу такихъ кумировъ относится и теорія о единениіи власти съ землей въ „парскомъ періодѣ“ русской исторіи, единениіе, которое выражалось въ томъ, что самодержцы выслушивали, при рѣшеньи важныхъ дѣлъ, голосъ земли, не имѣвши природной силы и потому не подававшіи ни малѣйшаго повода къ столкновеніямъ: царь спрашивалъ мнѣніе „всѣхъ чиновъ“, чиновъ откровенно и свободно выражали свою „мысль“, но имѣ и въ голову не приходило производить на правительство давленіе, хотя бы только нравственное, имѣ и въ голову не приходило, что царь обязанъ сообразоваться съ ихъ взглядами. И такая идилія продолжалась до тѣхъ поръ, пока Петръ Вѣ-

ръ не умеръ и не началась

въсакихъ чиновъ.

еслибы онъ могъ сказать:

Ты видишь: клятва и сдергала.

Съ тѣхъ поръ, хотъ лировъ не стяжалъ,

За то и не было побѣженъ,

ибо тамъ, где нѣтъ борьбы, не можетъ

быть ни побѣды, ни пораженія. Но мало

еще, еслибы Наполеонъ сказалъ только это: лучше всего было бы, еслибы онъ

могъ продолжать, вѣтъ за тѣмъ же

старѣемъ отшельникомъ:

Теперь я истина постыга,

Въ которой твердо убѣдена,

Что наша жизнь—единий мѣръ,

Что наши грѣхи—метты—

Любви всемирнѣи суеты!...

Да, напітъ ваніїтатъ, етъ отпітъ ваніїтъ!

Суєта суєть и всяческая суєта!...

Все скоропреходице, все тѣльно, все

брешно въ этомъ лучшемъ изъ міровъ!...

Но, да прости гнѣвъ мій читатель всѣ

эти лирическіе философствованія и да

не подумаетъ онъ, что я читаю ему

проповѣдь индифферентизма на тему:

и тогда онъ навѣрно не поспѣлъ бы на св. Елену. Тоже самое случилось бы, еслибы онъ своевременно рассудилъ, что лучше съ честью отступить,

Чѣмъ безразумно побѣгть;

Себя въ рискованную борьбѣ;

еслибы онъ далъ себѣ ту клятву, о которой сказано (климъ—о томъ по скромности умалчивало):

Я клятву дала тебе сѣдѣть

Отъ дѣлъ, отъ міръ удалиться,

Въ лягушку скромной пригнуться,

Забыть о лаврахъ всѣ метты,

Безъ сопрѣданія и участія,

Иными свидѣтельствами нечестія,

Когарата, злобы, нищеты...

еслибы онъ могъ сказать:

Ты видишь: клятва и сдергала.

Съ тѣхъ поръ, хотъ лировъ не стяжалъ,

За то и не было побѣженъ,

ибо тамъ, где нѣтъ борьбы, не можетъ

быть ни побѣды, ни пораженія. Но мало

еще, еслибы Наполеонъ сказалъ только это: лучше всего было бы, еслибы онъ

могъ продолжать, вѣтъ за тѣмъ же

старѣемъ отшельникомъ:

Теперь я истина постыга,

Въ которой твердо убѣдена,

Что наша жизнь—единий мѣръ,

Что наши грѣхи—метты—

Любви всемирнѣи суеты!...

Да, напітъ ваніїтатъ, етъ отпітъ ваніїтъ!

Суєта суєть и всяческая суєта!...

Все скоропреходице, все тѣльно, все

брешно въ этомъ лучшемъ изъ міровъ!...

Но, да прости гнѣвъ мій читатель всѣ

эти лирическіе философствованія и да

не подумаетъ онъ, что я читаю ему

проповѣдь индифферентизма на тему:

и тогда онъ навѣрно не поспѣлъ бы на св. Елену. Тоже самое случилось бы, еслибы онъ своевременно рассудилъ, что лучше съ честью отступить,

Чѣмъ безразумно побѣгть;

Себя въ рискованную борьбѣ;

еслибы онъ далъ себѣ ту клятву, о которой сказано (климъ—о томъ по скромности умалчивало):

Я клятву дала тебе сѣдѣть

Отъ дѣлъ, отъ міръ удалиться,

Въ лягушку скромной пригнуться,

Править рабомъ-человѣкомъ всесл

